

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

УДК 811.512.37

DOI: 10.22162/2500-1523-2020-4-592-604

Семантика белого цвета в фольклорном тексте: лингвокультурологический аспект (на примере калмыцких сказок в записи Г. Й. Рамстедта)

Александра Тагировна Баянова¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. И. К. Илишкина, 358000 Элиста,
Российская Федерация)

младший научный сотрудник

 0000-0002-5689-6454. E-mail: ale-bayanova@yandex.ru

© КалмНЦ РАН, 2020

© Баянова А. Т., 2020

Аннотация. *Введение.* Цветообозначение относится к наиболее архаичному пласту лексики любого языка. Оно имеет ярко выраженную национально-культурную специфику и является важной составной частью языковой и лингвоцветовой картин мира. В природе цвет — это объективная и независимая данность, но в культуре и языке восприятие цвета совершенно субъективное. Различие особенностей менталитета, уникальная и самобытная материальная культура, присущая одному отдельно взятому народу, а также природная среда влияют на цветовосприятие. Цвет в калмыцком языке основательно и отдельно как лингвокультурологическая проблема не изучался. Проблема комплексного изучения цветообозначений остается на периферии калмыцкой филологической науки. *Цель* статьи — на основе калмыцких сказок в записи ученого Г. Й. Рамстедта проанализировать один из основных цветовых символов — белый цвет — с точки зрения лингвокультурологии. *Результаты.* В цветовом спектре у монголоязычных народов белый цвет считается главным. Компаративный анализ лексемы *цаһан* позволяет выделить специфические особенности исследуемого колоронима в неродственных языках (калмыцком и немецком). Проанализировав фольклорные тексты Г. Й. Рамстедта, приходим к выводу, что лексема *цаһан* обладает более широким спектром значений. Она является цветовым определителем предметов, воспринимаемых человеческим зрением, при этом диапазон цвета охватывает оттенки от белоснежного до серого, в немецком переводе от ослепительно-белого ‘blendendweiß’ до серебряного ‘silber’.

Ключевые слова: калмыцкий язык, фольклорный текст, культурологический аспект, лингвокультурология, калмыцкая сказка

Благодарность. Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта в форме субсидии из федерального бюджета, выделяемой для государственной поддержки научных исследований, проводимых под руководством ведущего ученого (проект «От палеогенетики до культурной антропологии: комплексное междисциплинарное исследование традиций народов трансграничных регионов: миграции, межкультурное взаимодействие и картина мира»). Материалы статьи апробированы на Международ-

ной научной онлайн-конференции «Монголоведение в начале XXI в.: современное состояние и перспективы развития – II», проведенной при финансовой поддержке РФФИ (проект № 20-09-22004) и частичной поддержке гранта Правительства РФ (№ 075-15-2019-1879).

Для цитирования: Баянова А. Т. Семантика белого цвета в фольклорном тексте: лингвокультурологический аспект (на примере калмыцких сказок в записи Г. Й. Рамстедта) // Монголоведение. 2020. Т. 12. № 4. С. 592–604. DOI: 10.22162/2500-1523-2020-4-592-604

UDC 811.512.37

DOI: 10.22162/2500-1523-2020-4-592-604

Semantics of White in Folklore Text: A Linguocultural Aspect (A Case Study of Kalmyk Folktales Recorded by G. J. Ramstedt)

*Aleksandra T. Bayanova*¹

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., Elista 358000, Russian Federation)
Junior Research Associate

 0000-0002-5689-6454. E-mail: ale-bayanova@yandex.ru

© KalmSC RAS, 2020

© Bayanova A. T., 2020

Abstract. *Introduction.* Color terms constitute a most archaic lexical stratum of any language. Being characterized by vivid ethnocultural specifics, those serve as important elements to the linguistic view of the world. In nature color is an objective and independent phenomenon, while in culture and language color perceptions turn completely subjective. Differences in mentality, unique material culture inherent to each and every ethnos that lives in particular natural surroundings — all the factors have their impacts on color perceptions. And there are virtually no works to have investigated color in the Kalmyk language, i.e. comprehensive studies of color terms still remain in the periphery of Kalmyk linguistics. *Goals.* The paper analyzes Kalmyk folktales recorded by the Finnish scholar G. J. Ramstedt for a key color symbol — white — in a linguocultural perspective. *Results.* Traditionally, Mongolic peoples tend to view white as the main color of the spectrum. The comparative analysis of the lexeme *уаһан* (Kalm. ‘white’) reveals a number of specific features attributed to the examined color term in unrelated languages (Kalmyk and German). The study concludes that the Kalmyk lexeme comprises a wider range of meanings. It denotes colors of visually perceived objects, and the color scope includes shades from ‘snow white’ to ‘grey’, while in German — from ‘sharply white’ (Germ. *blendendweiß*) to ‘silver’ (Germ. *silber*).

Keywords: Kalmyk language, folklore text, culturological aspect, linguoculturology, Kalmyk folktales

Acknowledgements. The reported study was funded by government grant in the form of federal budget subsidy aimed to support scientific research directed by the Leading Scientist — project name ‘From Paleogenetics to Cultural Anthropology: Comprehensive Interdisciplinary Research of Peoples and Traditions of Cross-Border Regions – Migrations, Cross-Cultural Interactions and Worldviews’. The article was presented at the International scientific online conference ‘Mongolian Studies at the Beginning of the 21st Century:

Current State and Development Prospects – II' funded RFBR (project no. 20-09-22004) and Government of Russia (grant no. 075-15-2019-1879).

For citation: Bayanova A. T. Semantics of White in Folklore Text: A Linguocultural Aspect (A Case Study of Kalmyk Folktales Recorded by G. J. Ramstedt). *Mongolian Studies (Elista)*. 2020. Vol. 12. No. 4. Pp. 592–604. (In Russ.). DOI: 10.22162/2500-1523-2020-4-592-604

Введение

В культуре многих народов белый цвет является сакральным, божественным. В цветовом спектре у монголоязычных народов он считается главным цветом, матерью цветов [Цултэм 1982: 95]¹. Он символизирует чистоту помыслов, безгрешность, привлекает добрых богов и отпугивает злые силы. Этот цвет является символом всего «чистого, светлого, священного и божественного» [Пюрбеев 2015: 76].

Материалом исследования послужили 22 калмыцкие сказки, тексты которых были записаны лингвистом Г. Й. Рамстедтом в 1903 г. во время лингво-фольклорной экспедиции в калмыцкие степи, осуществленной при поддержке Императорского Гельсингфорского университета. Ученый работал в ареале функционирования одного из трех говоров, бытующего до настоящего времени в калмыцком языке, — дербетском. Аутентичный фольклорный текст, зафиксированный в финно-угорской транскрипции в начале XX в. в Малодербетовском улусе Калмыцкой степи, представляет собой бесценный материал для изучения живой калмыцкой речи, для исследования не только фонетических, диалектных, языковых, но и лингвокультурологических особенностей языка.

Для исследования калмыцких сказок в записи Г. Й. Рамстедта фольклорные тексты были переложены на современную калмыцкую орфографию и переведены на русский язык, затем загружены в программу TextAnalyser, разработанную в рамках научно-исследовательской работы в КалмНЦ РАН. Немецкий, русский и калмыцкий тексты автоматически сегментированы на предложения, которые были между собой соотнесены для удобства работы. Наличие 3 192 параллельных блоков свидетельствует о репрезентативности материала исследования с точки зрения объема.

Значения лексемы *цаһан* в калмыцком языке

В словаре калмыцкого языка лексема *цаһан* зафиксирована в следующих значениях:

1. 1) белый; 2) незлопамятный, добродушный; 2. 1) седина; 2) белок; 3) белизна; 4) в составе биологических и зоологических названий; 3. праздник весны [КРС 1977: 622–623].

Рассмотрим семантику лексемы *цаһан* на основе анализа текстов калмыцких сказок в записи Г. Й. Рамстедта.

В своем основном номинативном значении, указанном в «Калмыцко-русском словаре» (далее — КРС), лексема *цаһан* обозначает белый цвет предме-

¹ В живописи монголоязычных народов существовала четкая иерархия цветов: мать цветов, отец цветов и цвета-слуги. К отцам цветов относились желтый, зеленый, синий, красный. Белый цвет считался матерью, так как при смешении его с другими цветами образовывались новые тона. Тона, образованные при смешении черного цвета с другими, назывались цветами-слугами [Цултэм 1982: 95].

тов — конкретных реалий, который воспринимается человеческим зрением. В русском языке существует 96 слов-синонимов, обозначающих оттенки белого цвета². Диапазон данного цвета в калмыцком языке недостаточно широк, как в русском: он варьируется от чисто белого до серого. В таблице 1 выделена шкала оттенков белого цвета, примеры которых присутствуют в тексте сказок в записи Г. Й. Рамстедта.

Таблица 1. Шкала оттенков белого цвета

[Table 1. Shade scale of white]

	Цвет	Калмыцкий текст	Русский перевод
1.	белый	(1) ах ^н dartsɔɕ tsayān kɪl ^o gīg tā tatān tālān üzülñā. = <i>Ахнь дарцг цаһан кишлгиг тэ татад тээлэд үзүлнэ</i> [Сказка № 16].	‘Брат белую рубашку скинул и показал’.
2.	серый или белый (?)	(3) böřögīn bökn tsayān tūlā keptā bögn döšēb, ɣasn sumn keptā ɣāgn döšēb, gūyā g arɔɕ bolnā. = <i>Бөөргин бөкн цаһан туулэ кептэ[н] бөгн дөшэд, хасн сумн кептэ[н] хэгн дөшэд, гүүһа[д] һардг болнэ</i> [Сказка № 21].	‘Словно по бугоркам скачущий горбатый белый заяц, сгорбившись, побежал, словно вылетевшая стрела, дрожа, побежал’.
3.	молочно-белый	(2) güđz jowtl neg tsayān ger ɣaryɔdz irwā. = <i>Гүүжэ йовтл нег цаһан гер харһж ирвэ</i> [Сказка № 11].	‘Мчался он так, и в пути одна белая кибитка повстречалась’.
4.	кремовый	(4) tawn zūn maj ^o temēndān kürēb irnā, ik ^o tsayān būrīn orā dēr ^o irēb g arɣ uɣ gēgēb dū g arnā. = <i>Тавн зун май темэндэн күрэд ирнэ, ик цаһан буурин орэ деер ирэд, «һаң-һуң» гегед ду һарнэ</i> [Сказка № 17].	‘Подлетел к пятиста одногорбым верблюдам своим, над большим белым верблюдом-самцом пролетая, «ганг-гунг» прокричал’.
5.	серовато-белый	(5) «bi tsayān mönggān sul ^u öwrɫʃk ^o lā-w» gedž kelnā. = <i>«Би цаһан мөңгэн сул өврлчкэв», — гегэж келнэ</i> [Сказка № 7].	‘«Я свои серебряные монеты за пазуху просто положил», — говорит’.
6.	серебристый	(6) üjñ tsayān öwsīg üjīn oldž ɣarwān, ük ^o tīn tšigā ɣadīy ɣamɣoɫɣ ɣarwān, jī gedəg g olīg iptə ɣayān sumīn gedž orkw. = <i>Үйн цаһан өвсиг үйинь олж харвад, үкрин чигэ хадыг хамхли харвад, Үйи гедг һолыг ивт хаһад, суминь гегэж оркв</i> [Сказка № 18].	‘Ковыля перистого стебля узел найдя, выстрелил, скалу величиной с корову разрушив, выстрелил, через реку, называемую Йи, стрела перелетела и потерялась’.

1. Для определения белого цвета одежды, в нашем случае рубашки, в русском языке из 69 оттенков можно использовать следующие: белоснежный, кипенно-белый, белокипенный (от цвета кипения — белой пены, которая образуется при кипении воды), иссиня-белый, изголуба-белый (вероятно, эти наименования оттенков белого возникли из того, что во время стирки для придания белизны использовали различные средства). В кочевых условиях

² Данные взяты из «Словаря синонимов русского языка» [электронный ресурс] // URL: <https://sinonim.org/> (дата обращения: 05.08.2020).

весьма сомнительно, что пользовались кипячением или подсиниванием белья. Перед лексемой *цаһан* стоит слово *дарцг*, что означает ‘флажок, вымпел’ [КРС 1977: 337]. И. А. Житецкий описывает *дарцг* как «род хоругвей» — «живописные изображения бурханов на четырехугольных кусках материи», к которым прикреплялось древко [Житецкий 1893: 44]. На этих флажках могли располагаться и молитвенные тексты. Считалось, что флажки, вывешенные на крышах домов и храмов, на деревьях, развеваясь на ветру, разносили эти божественные тексты и привлекали благополучие в дом, устраняли препятствия и т. д. [Гедеева, Гантулга 2020: 148]. Из этого следует, что *дарцг цаһан* означает ‘белый’, при этом в «Калмыцком словаре» Г. Й. Рамстедт приводит пример *dartsoḡ tsayān kīḡḡḡ sein hemd, so weiss wie die tempelflagge* ‘его рубашка такая белая, как хурульное знамя’ [Ramstedt 1935: 78]. Из вышеназванных оттенков белого больше подходит белоснежный как показатель чистоты и святости.

В немецком тексте калмыцких сказок переводчик использовал прилагательное *fahnenweiß* (букв. ‘белый, как знамя; знаменно-белый’). Данное слово не найдено ни в одном словаре немецкого языка. Для передачи белого цвета рубашки можно было бы использовать прилагательные *schneeig*, *schneeweiß* ‘белоснежный’. Специфичность символики белого цвета в калмыцкой лингвокультуре наложила отпечаток на немецкий перевод. Таким образом, *fahnenweiß* — это неологизм, созданный Г. Й. Рамстедтом. Такая метафоризация является относительно новой и необычной для показателя белизны одежды в немецком языке.

Согласно классификации перевода цветообозначений, предложенной З. О. Давидян [Давидян 2008: 135], применительно к данному примеру мы наблюдаем полное совпадение оригинала и перевода на морфологическом уровне, т. е. они выражены одной и той же частью речи — прилагательным.

2. В данной группе сочетание *цаһан туулэ* ‘букв. белый заяц’ вызывает вопрос о том, о каком зайце идет речь. Это может быть и заяц-беляк, и заяц-русак. Здесь у них не совпадает ареал обитания: первый обитает в лесной зоне, а второй — в степной. В сказке может идти речь и о зайце-беляке, поскольку изначально предки монгольязычных народов традиционно относились к «лесным» народам и поэтому однозначно были знакомы с этим животным, и о зайце-русаке, ареал обитания которых совпадает с местами кочевий калмыков. Что касается цвета, то зимой беляк чисто белый, за исключением чёрных кончиков ушей, окраска летнего меха в различных частях ареала — от рыжевато-серой до аспидно-серой с бурой струйчатостью, а для русака характерен серо-коричневый окрас летом и серебристо-серый зимой. Из текста сказки не ясно, в какой период года происходят события в сказке. В дербетской свадебной традиции мать жениха исполняла ритуальный танец в белых штанах, декорированных в определенных местах мехом (*цаһан шалвр*). Такие штаны называют еще *туулан шалвр* ‘заячьи штаны’, символизирующие замену невесты в качестве неопита свекровью, которая передает свои функции молодой девушке [Бакаева 2008: 171, 175]. «Особенности кроя и наименования белых штанов в свадебном ритуале калмыков-дербетов, символика обрядовых действий свидетельствуют о древнейших корнях обычая ритуального танца в

белых штанах, восходящих к эпохе родового строя и архаической праздничной культуре» [Бакаева 2008: 176].

3. Цвет традиционного жилища калмыков *ишкэ гер* являлся определителем имущественного состояния владельца. Черная кибитка *хар гер* являлась жилищем простолюдина [Пюрбеев 1996: 113]. Белый цвет кибитки *цахан гер* указывал на то, что хозяином жилища является представитель высших слоев общества. По утверждению У. Э. Эрдниева, «кибитки, покрытые белой кошмой, принадлежали богатым, гелюнгам» [Эрдниев 1970: 128], устанавливали их также во время свадьбы новобрачным, так как считалось, что белый цвет кибитки ограждал молодую семью от воздействия злых сил [Батырева 2019: 136]³.

Исходным материалом войлока служила овечья шерсть. Преобладающим цветом шерсти калмыцких овец был рыжий, черных же и белых овец было мало. Шерсть черных овец для валяния войлока вообще не использовалась, а белая шерсть из-за небольшого ее количества была недоступна для бедных слоев населения [Житецкий 1893: 4]. Следовательно, кибитка, о которой говорится в сказке, принадлежала состоятельному калмыку, возможно, нойону.

Определить оттенок белого цвета кибитки можно, исходя из трудоемкого и веками отработанного ручного процесса валяния войлока. Перед валянием шерсть промывали и высушивали, а затем подвергали тереблению для полного очищения от сора, грубых волосинок и свалявшихся комков, при этом периодически смачивали молочной сывороткой [Батырева 2017: 156]. Для придания особой белизны войлок пропитывали «известкой, белой землей и порошком из костей, чтобы он сверкал ярче» [Путешествие... 1957: 91]. Но отбелить войлок до цвета снега невозможно. В палитре белого цвета ему близок молочно-белый тон. Как утверждают А. П. Василевич, С. Н. Кузнецова и С. С. Мищенко, белый цвет ассоциируется со снегом и относится к холодным цветам [Василевич, Кузнецова, Мищенко 2005: 84], но белую кибитку очень трудно отнести к предмету с холодным цветом. Теплоту и мягкость ему придает желтый подтон: слияние белого и желтого дает оттенок молочно-белый.

Применительно к жилищу на немецкий язык Г. Й. Рамстедт переводит лексему *цахан* как *weiß* ‘белый’, *blendendweiß* ‘ослепительно-белый’, *hellweiß* ‘ярко-белый’:

Während er so geht, trifft er auf ein weisses Zelt. ‘В то время, как он шел, встретила ему белая кибитка [Сказка № 11].

Sie kamen zu einem blendendweissen Zelte. ‘Они подошли к ослепительно-белой кибитке’ [Сказка № 4].

Vorn wird ein bis auf Band und gurt hellweisser Hof sichtbar. ‘Впереди показалась ярко-белая кибитка без перевязи’ [Сказка № 19].

Почему Г. Й. Рамстедт использует при переводе цвета кибитки сложные оттенки белого цвета *blendendweiß*, *hellweiß*? В оригинале перед лексемой *цахан* стоит усилительная частица *ор*, т. е. совершенно белый [КРС 1977: 400].

³ В свадебной традиции многих народов присутствовал войлок, принципиальным различием был только цвет войлока. К примеру, у народа коми своеобразным маркером счастливой и безбедной жизни молодоженов служил *лӧз гын* ‘синий войлок’ [Низовцева 2017:42–43].

4. Окрас шерсти верблюдов варьируется от песчано-желтого до темно-коричневого. Белая масть верблюдов довольно редка. По утверждению Ц. С. Санжаева, в природе только 2,8 % верблюдов бывают белыми [Санжаев 2004: 8]. Но, если посмотреть строение шерсти у верблюда, то шерстный покров у него плотный и разной длины. Густой и нежный подшерсток — возможно, белого цвета. Но длинная шерсть внизу шеи, на верху горба, на загривке не может быть чисто белой ввиду особенностей среды обитания (в основном пустыня), образа жизни (кочуют постоянно с одного места на другое) и питания (питаются грубой растительностью и долго обходятся без воды). В данном контексте окрас животного — кремовый.

5. В калмыцком языке словосочетание *цаһан мөңгн* (букв. ‘белая монета’) имеет два значения: 1) серебро (металл); 2) монеты (собирательное значение) [КРС 1977: 641]. В данном фольклорном тексте оно применяется в первом значении скорее всего потому, что в старину имели хождение именно серебряные деньги. В современный период чаще всего данное словосочетание употребляется во втором значении. Здесь мы наблюдаем метафорический перенос значения лексемы *цаһан* по цвету. В силу традиций и цвета советские монеты, изготовленные из медно-никелевого сплава серебристо-белого цвета, и современные монеты из стали калмыки тоже называли и называют *цаһан мөңгн*. В переводе на немецкий язык Г. Й. Рамстедт использовал слова *die Silbermünze* ‘серебряные монеты’ и *das Silbergeld* ‘серебряные деньги’.

6. В калмыцком языке лексема *цаһан* присутствует и в определении ботанических терминов — *цаһан өвсн* ‘ковыль перистый’ (букв. ‘белая трава’). Ковыль перистый — травянистое растение, после цветения выпускает серебристо-белые метелочки, из-за чего в этот период степь кажется белой. В калмыцкой поэзии при описании ковыльной степи применяют также эпитет «седой». В алтайском языке словосочетание *ак өлөнг*, что тоже означает ‘белая трава’, является определителем растения *пырей*.

В немецком переводе Г. Й. Рамстедт использует выражение *weißgliederige gras* (букв. ‘белая расчлененная трава’), хотя в лексике немецкого языка есть два слова, обозначающие ковыль: *das Pfiemengras*, *die Federschmiele*. Почему он дословно переводит в данном случае название травы? Допускаем, что он не знал, что речь идет о ковыле, потому что в оригинале текста название травы — *цаһан өвсн* (букв. ‘белая трава’).

Шкала оттенков белого цвета, выделенных на основе фольклорного текста, позволяет сделать вывод, что его диапазон не обладает такой неограниченной сочетаемостью, как, например, в русском языке. Калмыки не выделяли в цвете сложных оттенков (к примеру, иссиня-белый, фарфорово-белый, сахарно-белый и т. д.).

Помимо того, что белый цвет определяет различные оттенки, он имеет и производные значения. В производно-номинативном значении, в котором присутствует сема «признак цвета», лексема *цаһан* означает ‘седой’ (при обозначении цвета волос человека)⁴:

⁴ В русском языке ‘седой’ трактуется применительно к волосам как «белый, потерявший свою окраску» [СРЯ 1961: 96].

(10) tsal bür̩ saχpl̩tā, tsayān bür̩ öwgn̩ kür̩tš̩ ir̩ēḅ ser̩ü̩ldž̩-ēñā. = Цал буурл сахлтэ, цаһан буурл өвгн күрч ирэд серүлжэнэ. ‘Белобородый седой старик, подойдя, стал будить [ее] — Der schneeweisse mann mit dem silberweissen barte kam herbei und weckte sie. ‘Белоснежный мужчина с серебристо-белой бородой подошел и разбудил ее’ [Сказка № 17].

Для перевода лексемы цаһан в значении ‘седой’ Г. Й. Рамстедт использует синонимы *weisshaarig* ‘беловолосый’, *schneeweiß* ‘белоснежный’, *weiß* ‘белый’:

(11) ar̩y̩pl̩plā bit̩šk̩ñ tsayān ü̩l̩n or̩ā d̩ēr° tsal bür̩ saχpl̩tā, tsayān bür̩ öwgn̩ b̩āχp, ter° ar̩y̩p̩ldž̩ ü̩zk° = Арһлхлэ, бичкн цаһан уулын орэ deer цал буурл сахлтэ, цаһан буурл өвгн бээх, тер арһлэж үзх ‘Кто сможет помочь, так это живущий на вершине невысокой снежной горы белобородый седой старик, он сможет помочь’ — Wenn hier etwas zu machen ist, so lebt auf dem gipfel des kleinen weissen berges ein weisshaariger greis mit silberweissem bart, der wird dir helfen können. ‘Если здесь есть что-нибудь сделать, то на вершине маленькой белой горы живет беловолосый старик с серебристо-белой бородой, который сможет вам помочь’ [Сказка № 17].

(12) tsal bür̩ saχpl̩tā, tsayān bür̩ öwgn̩ kür̩tš̩ ir̩ēḅ ser̩ü̩ldž̩-ēñā. = Цал буурл сахлтэ, цаһан буурл өвгн күрч ирэд серүлжэнэ. ‘Белобородый седой старик, подойдя, стал будить [ее]’ — Der schneeweisse mann mit dem silberweissen barte kam herbei und weckte sie. ‘Белоснежный мужчина с серебристо-белой бородой подошел и разбудил ее’ [Сказка № 17].

(13) öm̩ñ -tš̩l̩ñ tsal bür̩ saχpl̩tā tsayān bür̩ öwgn̩, χojr̩ n̩üdān̩ töm̩r̩ēr̩ tel̩s̩ñ öwgn̩ χarkk°... = Омнчн цал буурл сахлтэ цаһан буурл өвгн хоёр нүдэн төмрэр телсн өвгн харһх... ‘Впереди тебе с белой как снег бородой седовласый старик с железными распорками на глазах встретится...’ — Auf deinem wege wird dir ein weisser greis mit silberweissem bart begegnen. ‘На твоём пути встретится тебе белый старик с серебристо-белой бородой’ [Сказка № 22].

К группе переносных следует отнести значение лексемы цаһан ‘пустой, голый’:

(14) «bi mend° bāñā-w», gedž̩ kel̩ldēḅ, «ēdž̩-ugē ērm̩ tsayān ködēḅ° g arāb̩ kül̩-c möfnā šür̩ügēḅ, küm̩nā zal̩ü̩yn̩ tš̩id̩l̩ēḅ, χurts° mes°d̩n̩ χurtsār̩ aw̩ld̩j̩ā!» = «Би менд бээнэв» геж келлэдэ, «эжго эрм цаһан көдэд һарад кулг мөрнэ шүрүһар, күмнэ залуһин чидлэр, хурц месдин хурцар авлды!» «Я жив-здоров», — так друг другу сказав, в безлюдную белую степь выйдя, резвостью своих верховых коней, силой своей мужской, остротой своих острых мечей сразиться решили они — „Heil!“ begrüßen sie einander. Danach sprechen sie: „Auf die herrenlose weisse steppe, wo man sich verirrt, hinausreitend, lass uns uns messen in der schnelligkeit der trefflichen renner, in der stärke der männer und der schärfe der schneidenden schwerter!“ “Цел и невредим!” приветствуют они друг друга. Затем они говорят: „В безлюдную белую степь, где можно заблудиться, выехав, давай измерим себя в быстроте превосходных бегунов, в силе мужской и остроте режущих мечей!“ [Сказка № 16].

Сходство данного значения можно наблюдать и с лексемой ак ‘белый’ в алтайском языке: ак чӧл ‘пустынная, голая степь’ (букв. ‘белая степь’) [Майзина 2008: 102]. В значении ‘пустой, голый’ определение лексемы цаһан отсутствует в словарях калмыцкого языка. В русском языке выражения *белая земля*, *белое место* означают ‘свободная земля’: обычно это были земли церковные, свободные от податей [Даль 1978: 153].

В переводе на немецкий язык Г. Й. Рамстедт использует прилагательное *weiß* ‘белый’:

Во фразеологически связанных значениях лексема *цаһан* определяется как социальная принадлежность человека: аристократический *цаһан яста кун* (букв. ‘человек белой кости’):

(15) en° šidrt° tsayān jastā kūn ugē, möŋkŋ dörwŋ tsakt° dötšŋ zurγātāγār bāγād bādrc. = Эн шидрт цаһан ястэ кун угэ, мөңкн дөрвн цагт дөчн зурһатәһар бәәһад бәэдг. ‘Поблизости знатного человека нет, в вечные четыре времени [года] в сорокачетырёхлетнем возрасте пребывающий...’ — in dieser gegend gibt es keine hochgeborenen leute, keine, die ewig und zu allen zeiten sechzehn jahre alt wären ‘В этом краю нет высококоррожденных людей, которые вечно и во все времена были бы шестнадцатилетними’ [Сказка № 22].

У калмыков существовала строгая иерархия сословных групп: к категории *цаһан яста* относились нойоны, зайсанги, к *хар яста* (букв. ‘черная кость’) — низшее сословие, крепостные. По воззрениям калмыков, нойон был воплощением божества, так как происходил не от людей, а от богов. Как отмечает И. А. Житецкий, «обмануть, оскорбить нойона — все равно, что оскорбить бурхана» [Житецкий 1893: 41].

Данное значение лексемы *цаһан* мы не находим в словаре калмыцкого языка. Так как большая часть словарей была создана в советский период, когда господствовал атеизм, то цензурой исключались такие понятия, как божественное происхождение человека и деление на классы. У разных народов различные представления о знатном происхождении человека. У англичан для обозначения аристократического происхождения человека существует выражение «родиться с серебряной ложкой во рту», приписываемое прозаику О. Голдсмит, т. е. у них признаком богатства считается столовое серебро. В русском языке для обозначения дворянского, аристократического происхождения существует выражение «голубая кровь» [ТСРЯ 1935: 592].

В немецком тексте сказок для определения аристократического происхождения человека используется причастие *hochgeboren* ‘высокорожденный’ (*hoch* ‘высокий’ + причастие от глагола *gebären* ‘родиться’):

(16) tsayān jastā kūnā öšk° zürkŋ zokkīmŋ » genā. = «Цаһан ястэ күүнэ оошк-зүркн зокхимн», — генэ. ‘«Знатного* [букв. белой кости] человека легкие и сердце помогут мне», — отвечает’ — Die lungen und das herz von einem hochgeborenen menschen werden mir geziemen. ‘Легкие и сердце высококоррожденного человека помогут мне’ [Сказка № 22].

В немецком языке для определения аристократического происхождения существуют следующие слова и выражения: *vornehm* ‘знатный, аристократический’, *adlig* ‘дворянский, знатный’, *von adliger Herkunft* ‘дворянского происхождения’, *edel* ‘знатный’. Переводчик не использует ни одно из этих значений, посчитав, что слово *hochgeboren* наиболее точно передает божественное происхождение аристократа-нойона. Он точно уловил понятие аристократизма в представлении калмыков: это человек, в крови которого есть частица божественности. В немецкой же культуре, в корне отличающейся от мировоззрения калмыков, такого понятия нет.

Переносное значение лексемы *цаһан* — ‘священный, сакральный’ — образуется путем метафорического переноса. Оно чаще всего используется в ре-

лигиозной лексике: *цаһан ном* ‘священная сутра, священная молитва’ (букв. ‘белая сутра’):

(17) *amŋ ärtŋn död̄ tsayān nom aŋxṛān üleṡyād oknā.* = *Амн арун деед цаһан ном аңхрад үлэхэд окнә.* ‘Священную молитву [брат] прочитал и дунул [на него]’ — *Über ihm spricht Mars Chara sein heiligstes bestes reines gebet und bläst ihn an.* ‘Над ним произносит Марс Хара свою священную молитву и дует на него’ [Сказка № 16].

В словарях калмыцкого языка данное значение лексемы *цаһан* отсутствует. При переводе выражения *цаһан ном* ‘священная молитва’ Г. Й. Рамстедт использует сразу несколько прилагательных: *heiligst* ‘наисвятейший’ (превосходная степень прилагательного *heilig* ‘святой, священный’), *best* ‘наилучший’ (превосходная степень прилагательного *gut* ‘хороший’) и *rein* ‘чистый’.

При переводе выражения *цаһан ном* ‘священная молитва’ на немецкий язык мы отмечаем отличие культур народов. У калмыков лексема *цаһан* в контексте со словом *ном* уже несет в себе сакральный смысл. У немцев же понимание священного должно иметь высшее проявление признака, что выражается употреблением превосходной степени прилагательных *heiligst* ‘наисвятейший’, *best* ‘наилучший’. Г. Й. Рамстедт употребляет также прилагательное *rein* ‘чистый’, и здесь мы видим совпадение в культурах двух народов: ‘белый’, ‘чистый’ значит ‘священный’.

Лексему *цаһан* в значении ‘священный, сакральный’ мы наблюдаем и в следующем предложении:

(18) *bitškn̄ tsayān üln̄ tal gügēb̄, gügä jowdž.* = *Бичкн цаһан уул тал гүүһэд, гүүһә[д] йовжс.* ‘К невысокой белой (= священной) горе бегом побежала [она].’ — *Da lief und lief sie nach dem kleinen, schneebedeckten berg zu.* ‘Здесь побежала и побежала она к маленькой, покрытой снегом горе’ [Сказка № 17].

Выражение *цаһан уул* ‘белая гора’ наводит на мысль, что белой гора может быть только от того, что покрыта снегом. Но из контекста предложения выясняем, что гора — *бичкн* ‘маленькая’ (т. е. невысокая), следовательно, снежной она вряд ли может быть. Тогда почему же гора названа белой? Ответ, возможно, найдем, вспомнив культурные и религиозные традиции монголоязычных народов. Почитание гор, поклонение священным горам — древнее явление у многих народов. По преданию, и это описано в «Сокровенном сказании монголов», священная гора, расположенная у истоков реки Онон в Монголии, спасла от смерти Чингис-хана: «Бурхан-халдуном защищена (как щитом) жизнь моя... Будем же каждое утро поклоняться (ползком взбираясь) ей и каждодневно возносить молитвы» [Сокровенное сказание 2002: 30]. Священной была и *Өл Маңхн цаһан уул* ‘Величественная сизо-белая гора’ в стране Бумба, которая высилась как «средоточие земли и неба» [Джангар 1990: 197]. Культ гор существовал и на Алтае, где «каждый сеок имел свою родовую гору, которую он считал священной покровительницей рода» [Потапов 1946: 148]. Высота священной для калмыков горы Богдо, расположенной в Астраханской области, составляет всего лишь 149 м. Исходя из культурных и религиозных традиций, можем констатировать, что лексема *цаһан* используется в значении ‘священный’.

Выражение *цаһан уул* ‘белая гора’ Г. Й. Рамстедт перевел как *ein schneebedecktes Berg* ‘покрытая снегом гора’, что на калмыцкий язык можно перевести как *цасар буркгдсн уул*. Здесь он ошибочно перевел данное выражение, подразумевая, что гора может быть белой только от снега.

Следует отметить, что большее количество словоупотреблений лексемы *цаһан* наблюдается в именах собственных — 57 (56,4 % от общего количества лексемы). *Цаһан* является женским именем. В отличие от лексемы *хар* слово *цаһан* не присутствует в именах богатырей, так как само значение данной лексемы находится в прямой оппозиции к слову *хар*: не мощь и сила заложены в значениях этих антропонимов, а скорее нежность, мягкость, доброта в некоторой степени — слабость в силу юного возраста, поэтому данная лексема присутствует большей частью в женских именах, в том числе божеств, и в именах младших членов семей: *Цаһан Дэрк* (Белая Тара — божество буддийского пантеона), *Бөкн Цаһан* (мужчина), *Гинд Цаһан* (младший брат богатыря Марс Хара), *Нээлхн Цаһан* (мать богатыря Найхала) и др. Из вышеназванного списка имен оним *Бөкн Цаһан* выступает особняком: во-первых, это мужчина, во-вторых, он не относится ни к божествам, ни к младшим членам семьи. Если рассмотреть этимологию слов, то получается следующее: *бөкн* ‘горбатый, горбун’, *цаһан*, возможно, в значении ‘седой’. На немецком языке Г. Й. Рамстедт дает только транслитерацию этих имен.

Таким образом, проанализировав фольклорные тексты Г. Й. Рамстедта, приходим к выводу, что лексема *цаһан* обладает более широким спектром значений, чем это отражено в современных словарях. Она является цветовым определителем предметов, воспринимаемых человеческим зрением, при этом диапазон цвета охватывает оттенки от белоснежного до серого, в немецком языке от ослепительно-белого (*blendendweiß*) до серебряного (*silber*).

В языковой картине мира не только калмыков, но и других монголоязычных народов лексема *цаһан* имеет положительную коннотацию, что детерминировано символикой белого цвета, олицетворяющего чистоту и святость.

На основе анализа фольклорного текста Г. Й. Рамстедта следует дополнить структуру словарной статьи в Калмыцко-русском словаре следующими значениями лексемы *цаһан*:

1. *Перен.* священный, сакральный; используется чаще всего в религиозной лексике: *цаһан ном* ‘священная сутра, священная молитва’. В силу того, что большинство словарей калмыцкого языка было издано в период господства атеизма в советский период, данное значение лексемы *цаһан* не описано в словарной статье.
2. *Перен.* пустой, голый: *цаһан көдэ* ‘голая степь’. Рассматривая данное значение лексемы *цаһан*, можно провести межъязыковую параллель с лексемой *ак* ‘белый’ в алтайском языке: *цаһан көдэ* (калм) — *ак чёл* (алт.) — ‘голая степь’.
3. *Перен.* аристократический; употребляется как социальная принадлежность человека: *цаһан яста кун* ‘знатный человек’.

При переводе на немецкий язык лексемы *цаһан* Г. Й. Рамстедтом в отдельных случаях четко видно различие культур и традиций калмыцкого и немецкого народов.

Литература

- Бакаева 2008 — *Бакаева Э. П.* Одежда в культуре калмыков: традиции и символика. Элиста: Изд. дом «Герел», 2008. 189 с.
- Батырева 2017 — *Батырева С. Г.* Войлок в традиционном быту калмыков: художественная обработка // Монголоведение (Монгол судлал). 2017. Вып. 10. С. 154–161.
- Батырева 2019 — *Батырева С. Г.* Войлок в обрядовой культуре калмыков // Монголоведение (Монгол судлал). 2019. Вып. 1. С. 134–145.
- Василевич, Кузнецова, Мищенко 2005 — *Василевич А. П., Кузнецова С. Н., Мищенко С. С.* Цвет и название цвета в русском языке. М.: КомКнига, 2005. 216 с.
- Гедеева, Гантулга 2020 — *Гедеева Д. Б., Гантулга Д.* Буддийская символика в системе калмыцких тамг // Монголоведение. 2020. № 1. С. 142–153.
- Давидян 2008 — *Давидян З. О.* Способы перевода цветообозначений с французского языка на испанский // Вестник ВолГУ. Сер. 2. 2008. Вып. 7. С. 134–137.
- Даль 1978 — *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1. А-З. М.: Русский язык, 1978. 699 с.
- Джангар 1990 — Джангар. Калмыцкий героический эпос. М.: Наука, 1990. 475 с.
- Житецкий 1893 — *Житецкий И. А.* Очерки быта астраханских калмыков. Этнографические наблюдения 1884–1886 гг. М.: Тип. М. Г. Волчанинова, 1893. 75 с.
- КРС 1977 — Калмыцко-русский словарь / под ред. Б. Д. Муниева. М.: Русский язык, 1977. 768 с.
- Майзина 2008 — *Майзина А. Н.* Семантическое поле цветообозначений в алтайском языке (в сопоставлении с монгольским языком). Горно-Алтайск: Научно-исслед. ин-т алтаистики им. С. С. Суразакова, 2008. 264 с.
- Низовцева 2017 — *Низовцева С. Г.* Поэтика загадок коми: к вопросу о фольклорных формулах // Ежегодник финно-угорских исследований. 2017. Т. 11. № 2. С. 36–52.
- Потапов 1946 — *Потапов Л. П.* Култ гор на Алтае // Советская этнография. 1946. № 2. С. 145–160.
- Путешествие... 1957 — Путешествие в восточные страны ПIANO Карпини и Рубрука. М.: Географгиз, 1957. 270 с.
- Пюрбеев 1996 — *Пюрбеев Г. Ц.* Толковый словарь традиционного быта калмыков. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1996. 176 с.
- Пюрбеев 2015 — *Пюрбеев Г. Ц.* Эпос «Джангар»: культура и язык. Элиста: ЗАОр «НПП „Джангар“», 2015. 280 с.
- Санжаев 2004 — *Санжаев Ц. С.* Продуктивные и некоторые биологические особенности верблюдов в условиях Забайкалья: автореф. дис. ... канд. сельскохозяйств. наук. Улан-Удэ, 2004. 24 с.
- Сокровенное сказание 2002 — Сокровенное сказание монголов / пер. С. А. Козина. М.: Тов-во научных изданий КМК, 2002. 156 с.
- СРЯ 1961 — Словарь русского языка. Т. IV. С–Я. М.: Гос. Изд-во иностр. и нац. словарей, 1961. 1088 с.
- ТСРЯ 1935 — Толковый словарь русского языка / под ред. проф. Д. Н. Ушакова. Т. 1. М.: Сов. энциклопедия, 1935. 1564 с.
- Цултэм 1982 — *Цултэм Н.* Искусство Монголии с древнейших времен до начала XX в. М.: Изобразительное искусство, 1982. 232 с.
- Эрдниев 1970 — *Эрдниев У. Э.* Калмыки (конец XIX – начало XX вв.): историко-этнографические очерки. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1970. 312 с.
- Ramstedt 1935 — *Ramstedt G. J.* Kalmückisches Wörterbuch. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1935. xxx + 560 s.

References

- Bakaeva E. P. Garments in Kalmyk Culture: Traditions and Symbols. Elista: Gerel, 2008. 189 p. (In Russ.)
- Batyreva S. G. Felt in the ritual culture of the Kalmyks. *Mongolian Studies*. 2019. No. 1. Pp. 134–145. (In Russ.) DOI: 10.22162/2500-1523-2019-1-134-145
- Batyreva S. G. Felt in the traditional life of the Kalmyks: felt crafts. *Mongolian Studies*. 2017. Vol. 10. Pp. 154–161. (In Russ.) DOI: 10.22162/2500-1523-2017-10-154-161
- Dal V. I. Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language. Vol. 1: A-3. Moscow: Russkiy Yazyk, 1978. 699 p. (In Russ.)
- Davidyan Z. O. Color terms: French-to-Spanish translation means. *Science Journal of Volgograd State University. Linguistics*. 2008. No. 7. Pp. 134-137. (In Russ.)
- Erdniev U. E. The Kalmyks: Late 19th – Early 20th Centuries. Historical-Ethnographic Essays. Elista: Kalmyk Book Publ., 1970. 312 p. (In Russ.)
- Evgenyeva A. P. (ed.) Dictionary of the Russian Language. Vol. IV: С–Я. Moscow: State Publ. House of Foreign and Soviet National Dictionaries, 1961. 1088 p. (In Russ.)
- Gedeeva D. B., Gantulga D. Buddhist symbolism in the system of Kalmyk tamgas. *Mongolian Studies*. 2020. No. 1. Pp. 142–153. (In Russ.) DOI: 10.22162/2500-1523-2020-1-142-153
- Jangar: Kalmyk Heroic Epic. N. Bitkeev, E. Ovalov (comp., prep., etc.) et al. Institute of World Literature (USSR Academy of Sciences); Kalmyk Research Institute of History, Philology and Economics. Moscow: Nauka, GRVL, 1990. 475 p. (In Kalm. and Russ.)
- Mayzina A. N. Semantic Field of Altaian and Mongolian Color Terms: A Comparative Study. Gorno-Altaysk: Surazakov Institute of Altaic Studies, 2008. 264 p. (In Russ.)
- Muniev B. D. (ed.) Kalmyk-Russian Dictionary. Moscow: Russkiy Yazyk, 1977. 768 p. (In Kalm. and Russ.)
- Nizovtseva S. G. Poetics of the Komi's riddles: towards folklore formulas. *Yearbook of Finno-Ugric Studies*. 2017. Vol. 11. No. 2. Pp. 36–52. (In Russ.)
- Potapov L. P. Cult of mountains in the Altay. *Sovetskaya etnografiya*. 1946. No. 2. Pp. 145–160. (In Russ.)
- Pyurbeev G. Ts. Epic of Jangar: Culture and Language. Elista: Dzhangar, 2015. 280 p. (In Russ.)
- Pyurbeev G. Ts. Traditional Life of the Kalmyks: An Explanatory Dictionary. Elista: Kalmyk Book Publ., 1996. 176 p. (In Kalm. and Russ.)
- Sanzhaev Ts. S. Camels in Transbaikalia: Productive and Some Biological Peculiarities. Cand.Sc. (Agriculture) thesis abstract. Ulan-Ude, 2004. 24 p. (In Russ.)
- Shastina N. P. (ed.) John of Pian de Carpine and William of Rubruck: Journey to the Eastern Parts. N. Shastina (foreword, comment.). Moscow: Geografiz, 1957. 270 p. (In Russ.)
- The Secret History of the Mongols. S. Kozin (transl.). Moscow: KMK, 2002. 156 p. (In Russ.)
- Tsultem N. Arts of Mongolia: Since Ancient Times to the Early 20th Century. Moscow: Izobrazitelnoe Iskusstvo, 1982. 232 p. (In Russ.)
- Ushakov D. N. (ed.) Explanatory Dictionary of the Russian Language. Vol. 1. Moscow: Sovetskaya Entsiklopediya, 1935. 1564 p. (In Russ.)
- Vasilevich A. P., Kuznetsova S. N., Mishchenko S. S. Color and Color Term in the Russian Language. Moscow: KomKniga, 2005. 216 p. (In Russ.)
- Zhitetsky I. A. Astrakhan Kalmyks: Sketches of Everyday Life. Ethnographic Observations of 1884-1886. Moscow: M. Volchaninov, 1893. 75 p. (In Russ.)
- Ramstedt G. J. Kalmückisches Wörterbuch. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1935. xxx + 560 s. (In Germ.)